

ВЕЛИКИЙ ТРАГИК

Портрет Айры Ольдриджа
работы Т. Г. Шевченко.

Айра Ольдридж умер в России. Здесь его любили и ценили гораздо больше, чем в Америке, где он родился и начал свое театральное поприще.

В своей личной судьбе и творчестве негр Ольдридж всегда оставался верным сыном своего народа, знавшего в рабстве у белых плантаторов. Лично Ольдридж был «свободен»: он родился в Северных Штатах Америки, где не было прямого невольничества. Но ужас существования «свободного» негра семья Ольдриджа испытала на себе—родной брат трагика подвергся «суду Линча» в Новом Орлеане из-за пустяшной ссоры с белым.

Отец Ольдриджа готовил сына в пасторы. Но Айра мечтал об ином пути.

Он поклялся стать артистом—притом артистом, играющим Шекспира на языке Шекспира. Это была дерзкая мечта. На любом ньюйоркском театре можно было прочесть надпись: «Собакам и неграм вход воспрещен». Негр не имел права

смотреть на игру белых актеров, а Ольдридж мечтал играть для белых зрителей!

Ольдридж выступил на сцене маленького негритянского любительского театра. Успех толкнул его на дерзкое предприятие: негр, он выступил в «белых» ролях—Ромео и Гамлета в трагедиях Шекспира. Гениальный юноша потрясал правдой и неподдельным чувством своего исполнения. Но успех привел его к катастрофе. Мракобесы не могли допустить, чтобы черный актер играл белого Шекспира и, по их наущению, полиция разогнала труппу.

Он кочевал из страны в страну, из города в город—по всей Европе, и в 1858 году впервые попал в Россию. Здесь, выступив в «Отелло», он имел огромный успех у демократического зрителя. Мавр Отелло в передаче Ольдриджа являлся выразителем человеческого достоинства и нечеловеческих терзаний черного народа, стремившегося к освобождению.

Когда же Ольдридж играл Шейлока, он становился выразителем многовековых страданий другого гонимого народа—еврейского.

Искусство Ольдриджа нашло горячий отклик в передовых кругах Петербурга. Журнал Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского «Современник» посвятил трагикунегру обширную статью с разбором его игры в «Отелло» и «Шейлоке».

Тогда же, в 1858 году, завязалась дружба Ольдриджа с Тарасом Григорьевичем Шевченко. Великий украинский поэт только что вернулся из ужасной солдатчины и ссылки в Прикаспийские степи. Как Ольдридж испытал погром своего театра и изгнание из родины, так Шевченко испытал девятилетний голод по живописи и поэзии; сылая его на юго-восток, Николай I запретил ему писать и рисовать.

«Бывало,—вспоминает художница Юнге,—войдет Ольдридж своей быстрой, энергичной походкой и тотчас спросит: «А где артист?»—так он называл Шевченко. Кроме сходства характеров, у этих людей было много общего, что возбуждало в них глубокое сочувствие друг к другу. Один в молодости был крепостным, другой принадлежал к презираемой расе, оба испытали в жизни много горечи, оба горячо любили свой обездо-

ленный народ. Помню, как они были растроганы, когда я рассказала Ольдриджу историю Шевченко, а последнему, со слов Ольдриджа, перевела историю жизни трагика. Оба они удивительно хорошо понимали друг друга... Шевченко захотел написать портрет Ольдриджа. Несколько минут слышен был только скрип карандаша о бумагу, но разве мог Ольдридж усидеть на месте... «Можно петь?»—спрашивал он вдруг. «А ну его, пусть себе поет». Начиналась трогательная, заунывная мелодия... Вслед за тем он представлял бытовые сцены. Григорьевич увлекался его веселостью и пел ему украинские песни, завязывались разговоры о типических чертах разных народностей, о сходстве народных преданий и т. д.»

Ольдридж имел громадный успех среди тех зрителей, среди которых труднее всего иметь успех актеру—среди актеров. После его бенефиса старейший из актеров Петербурга, друг Гоголя, Н. И. Осипович поднес Ольдриджу золотой билет для роли Отелло с надписью: «Русские артисты—великому исполнителю Шекспира—Айра Ольдриджу» и приветствовал его стихами от лица всех работников русского театра:

Ты с помощью ума, таланта и труда
Для русоких пояснил великого

Шекспира,

И не забудем мы отныне Николая
Отелло, Шейлока и Лира.

В Москве на спектаклях Ольдриджа постоянными зрителями были—отец русского оценоческого реализма—М. С. Щепкин и продолжатель его дела П. М. Садовский.

Он познакомился с тем и другим, и так уважал их мнение, что потребовал от Щепкина разбора своей игры.

Щепкин, сам выходец из крепостной среды, еще избавившийся от крепостной зависимости от помещика, отвечал через переводчика: «Скажи ему, что видел его игру и отменно доволен: он—человек с огромным дарованием».

Однако и в России Ольдриджа встречало не только благодарное признание, но и резкая хула.

Когда Ольдридж решил начать свое гастрольное путешествие по России, по актерским труппам пронесся слух, что

с трагиком-негром играть опасно: он, якобы, способен, по дикости своей натуры, изувечить партнера.

Премьеру Малого театра Л. П. Никулину Косицкую пугали слухами, что черный трагик задушил на своем веку нескольких Деямонов. Когда Ольдридж узнал об этих страхах известной артистки, он с глубокой иронией отвечал:

«Все это преувеличено. Я сыграл более 300 раз эту роль, и за все это время, может быть, задушил двух, много трех Деямонов, зарезал, кажется, одну. Согласитесь, что из 300 раз процент небольшой, те из чего так волноваться москвской Деямоной!».

Слова эти звучали не только иронией, но и глубокой болью.

На деле, Ольдридж, как актер, соединял в себе громадную силу вдохновения с мудрым расчетом. Потряса в финале «Отелло» не только публику, но и свою партнершу, «душа ее» по-Шекспиру он шептал ей на ухо: «не бойся, дитя мое».

Все нападки крепостников, водорные слухи про черного трагика, распускаемые в России с голоса американских работорговцев и их английских покровителей, не могли помешать необычайному успеху Ольдриджа у «молодой России»—у зрителя из широких демократических кругов.

Ольдридж полюбил русского демократического зрителя не менее, чем этот зритель трагика. Ольдридж внимательно вглядывался в русскую жизнь, он научился отлично петь русские народные песни.

Под его влиянием гениальный А. Е. Мартынов, всю жизнь итравипий водивильных простакон,—почувствовал свое настоящее призвание и неожиданно за-сверкал в драме звездой первой величины. Под прямым впечатлением игры Ольдриджа пошла на сцену П. А. Стретова и Вл. Н. Давылов (народный артист республики).

Ольдридж глубоко чувствовал и ценил свою связь с демократической Россией Четнышевского, Шевченко, Щепкина, Садовского. В течение девяти лет (1859—1867) он совершал ежегодные поездки в Россию, заезжая в самые глухие ее уголки; смерть настала его в то время, когда он начинал новую поездку. Он умер в 1867 году.

С. ДУРИЛИН.